

Юрий Бураков, Лилия Питлёваная

На пути к Великой войне: политика Великобритании в Африке на рубеже XIX–XX веков

Внешнеполитические задачи Великобритании во второй половине XIX века исходили из доктрины «блестящей изоляции». Среди принципов британской внешней политики, определяющим был принцип поддержания равновесия сил в Европе, который обеспечивал правящей верхушке Лондона лидирующие позиции в экономической и политической сферах. Система европейского равновесия во второй половине XIX века определяла выбор внешнеполитических курсов и других великих европейских держав. Ее становление завершилось объединением Германии и Италии. Равновесие сил предусматривало наличие государственных образований, которые занимали определенное географическое пространство (понятие европейского баланса употреблялось, как правило, в геополитическом смысле) и были в определенной степени однородными членами общей системы. Цель системы – путем совместных действий, допустимых союзов и взаимных компенсаций предотвращать возможность преимущества одного из участников [1, с. 258]. Утверждение о том, что на рубеже XIX–XX столетий существовала система международных отношений, приближенная к идеальной, имеет веские основания [2, с. 14].

Великобритания, отстаивая свои экономические и стратегические интересы во всех регионах мира, одновременно пыталась противопоставить одну европейскую державу другой, чтобы не допустить гегемонии ни одной из них. «Европейский баланс» по-английски специфически сочетал отношение Великобритании к себе как к участнице системы международных отношений в Европе и как к стороннему наблюдателю, невозмутимо созерцающему протекание европейских политических перипетий [3, с. 179]. В значительной степени такая политика была обусловлена островным положением страны. Изолированность, обособленность Англии от континентальной части Европы, наложила определенный отпечаток на отношение британского обще-

ства к внешнему миру, и наоборот. «Alter orbis» («другая земля») – такая характеристика закрепилась за Великобританией. Изолированность, как считал А. Тойнби, была едва ли не величайшим фактом английской истории. Трудно найти другое государство в Европе, писал он, которое, будучи столь изолированным, играло бы такую выдающуюся роль в мировой истории на протяжении такого длительного периода [4, с. 22]. Ее правящая элита стремилась поддерживать равновесие сил в Европе и практически не вмешиваться в собственно континентальные дела, считая, что этот порядок устойчив и всегда восстанавливается тем, что называется природой вещей [5, с. 423].

Если сдвиги в международном укладе не слишком усиливали одно из государств (традиционно с особым подозрением англичане относились к укреплению Франции) и не угрожали безопасности самой Британии, то они воспринимались англичанами довольно равнодушно. Многолетний функционер Форин-офиса лорд Вильямс Стренч указывал, что государственные деятели считают нецелесообразным долговременное планирование внешней политики, а делают только то, что в данных условиях кажется им наиболее важным. Министр иностранных дел, который действует, ориентируясь на текущие обстоятельства, имеет больше шансов избежать весомых ошибок. Более того, такой министр получает возможность воспользоваться ошибками других. Главное – «протолкаться через толпу», оставшись невредимым [6, с. 407]. Другой известный британский дипломат Дж. Бьюкенен также считал, что «британские правительства не имеют обыкновения заглядывать далеко вперед... [правительство] приспособляет свою политику к требованиям момента, и его практика работы от случая к случаю оказалась в общем успешной» [7, с. 44].

Такое отношение в полной мере касалось дел, которые Англию не интересовали, однако не тех, которые были для нее существенными и служили основой внешнеполитической доктрины. Национальная безопасность гарантировалась недопущением возвышения одного из государств по ту сторону Ла-Манша; защитой колоний и интересов британской торговли. Английская концепция ведения возможной войны заключалась в том, что армия на суше обеспечивала оборону непосредственно Соединенного Королевства, а защиту территории бескрайней британской империи осуществлял мощный и современный военно-морской флот [8, с. 27].

Во внешней политике правящая элита Великобритании стремилась избегать всевозможных союзов и коалиций. Такая позиция основывалась на распространенном стереотипе о возможности Англии

защитить свои интересы в любом регионе мира и без союзников. У. Гладстон – лидер либеральной партии, который возглавил правительство в 1880 г., – заявил, что Великобритания ни в коем случае не свяжет себе руки, поддержав какое-либо государство в его реальных или надуманных интересах, «никогда не возьмет на себя повышенные обязательства и займет позицию стороннего наблюдателя относительно европейских ссор» [9, р. 322].

Важными постулатами внешнеполитического курса Великобритании были также последовательность и преемственность. Правительства как консервативной, так и либеральной партии, несмотря на различия в отношении внутренних проблем, руководствовались традицией и были единодушны в сохранении единства действий на международной арене. «Политика ни одного государства мира, – отмечал Б. Бюлов, – не определяется в такой мере традицией, как политика Великобритании» [10, с. 13].

Уже во второй половине 80-х годов XIX века стало очевидным, что продолжение политики «блестящей изоляции» может привести к возможному игнорированию позиций Великобритании в мире. Резкое ухудшение отношений Англии с Францией и Россией вследствие противоречий по колониальным вопросам дало толчок сотрудничеству правящих кругов Лондона, Рима и Вены.

12 февраля 1887 г. Англия и Италия подписали соглашение о поддержке статус-кво на побережьях Средиземного, Черного, Эгейского, Адриатического морей. При этом британская дипломатия продемонстрировала свойственную ей осторожность: в ее ноте отмечалось, что характер англо-итальянского сотрудничества будет определен тогда, когда возникнет необходимость, исходя из политических обстоятельств. 24 марта 1887 г. к соглашению присоединилась Австро-Венгрия.

Создание Средиземноморской антанты не было отступлением Британии от принципа неучастия в союзах. Реальное осознание необходимости заключения тесных договорных отношений приходит к правящим кругам лишь в конце 90-х годов XIX в. Соглашение с Италией и Австро-Венгрией, скорее всего, было необходимой уступкой для обеспечения поддержания баланса сил в Европе. Эти обязательства не были обременительными для англичан. Комментируя королеве Виктории Средиземноморское соглашение, премьер-министр лорд Солсбери говорил, что его правительство никому не обещает действенной поддержки в конфликтах, цели и причины которых неприемлемы для Англии [9, р. 338]. В дальнейшем резкие изменения военного баланса

в Европе подтолкнули Англию к практической дальновидности во внешней политике, чтобы противостоять, как писал Р. Солсбери лорду Керзону в 1902 г., все большей и большей агрессивности в области международных отношений [11, р. 165–166].

В начале 90-х годов XIX ст. канцлер Германии Каприви предложил курс на сближение с Великобританией, которая была для немецкой промышленности ценным рынком сбыта, а для политиков – определенной гарантией против враждебных действий соседней Франции. Попытки привлечь Англию к Тройственному союзу в полной мере определялись и стремлением сохранить сам альянс. Официальный Берлин подталкивал Рим к укреплению англо-итальянского сотрудничества, которое должно было стать дополнительным аргументом для привлечения Лондона в альянс. Италия, вступив на путь колониальных завоеваний в Африке, зависела от оценки ее действий Великобританией [12, с. 155–156; 13, с. 49–50].

Правящая элита Англии проявляла больший интерес к сотрудничеству с другим партнером Германии – Австро-Венгрией. Солсбери считал, что союз с Веней прикрыв бы единственное слабое место в международном положении Великобритании. «Ни одно иностранное государство... не в состоянии нарушить английские интересы, кроме России, если та ударит по Константинополю. Если Австрия сможет равнодушно взирать на захват Босфора Россией, то положение Англии значительно усложнится, поскольку Великобритании самой придется защищать Босфор, так как Россия купит сочувствие Германии и Италии, согласившись на то, чтобы они делали все, что заблагорассудится с Францией... для Англии, следовательно, сегодня важный вопрос – Австрия, ее намерения» [14, с. 37–38]. Успехи Солсбери в сближении с Тройственным союзом отмечались в официальном некрологе 1903 г. [15].

С «новым курсом» канцлера Каприви возникли благоприятные обстоятельства для англо-германского сближения. Из комбинации интересов немецких предпринимателей с необходимостью для Каприви обеспечить прикрытие германской территории против возможных военных действий России и Франции вырос знаменитый Гельголандско-Занзибарский договор 1890 г.

Официальные англо-германские переговоры по заключению этого договора начались еще в декабре 1889 г. На их ход большое влияние имело общественное мнение обеих стран. Дипломатам постоянно приходилось оглядываться на то, как воспринимаются их действия в парламентах, одобрительно ли относится к ним электорат. Это за-

тягивало завершение переговоров. Хотя опытный немецкий посол в Лондоне граф Пауль Гацфельдт в разговоре с британским премьер-министром лордом Робертом Солсбери уверял, что все недоразумения между обеими странами можно решить за столом переговоров буквально в течение часа, на самом деле процесс был длительным. «В Англии утвердилась мысль, – писал Гацфельдт, – что они [англичане] в своих обоснованных колониальных устремлениях наталкиваются везде на немецкие интересы». Он констатировал значительное влияние английской общественности на принятие решений правительством, обусловленное «здешними порядками» [16, bd. VIII, № 1672, s. 3–4]. Речь шла о том, что, в отличие от немецкого правительства, которое не было ответственным непосредственно перед рейхстагом, британский кабинет находился под жестким контролем парламента.

В переговорном процессе относительно Восточной Африки стороны пытались четко определить объекты разграничения. В предложениях главы английского правительства признавалась необходимость установления границ в зоне между озерами Ньяса, Танганьика, Виктория. Лорд Солсбери предложил немцам признать английский протекторат над султанатом Виту, о. Занзибар и прилегающими островами. За это Лондон соглашался считаться с правом Берлина на континентальное побережье Африки, переданное занзибарским султаном в немецкое управление, и главное на передачу Германии английских остров Гельголанд в Северном море [16, bd. VIII, № 1676, s. 13].

Гельголандско-Занзибарский договор был подписан 1 июля 1890 г. в Берлине. Германия по соглашению отказывалась от султаната Виту, владений султана Занзибара, включая сам о. Занзибар, о. Пемба, в пользу Великобритании. Сферой английского влияния признавались территории Кении, Уганды, Малави и спорные районы на границе Ганы и Того.

Гельголандский договор ознаменовал изменение курса во внешней политике правящих верхов Великобритании и без особых проблем прошел ратификацию в английском парламенте. Ратификация состоялась не только благодаря лоббированию колониальных кругов, но и из-за стремления тори склонить Германию на сторону Великобритании против России, которая в те времена считалась серьезной противницей Туманного Альбиона [17, с. 161].

В Англии значительная часть общественности с удовлетворением восприняла договоренности. Островитяне возмущались тем, что их, не спросив, «передали пруссакам», однако и они со временем успокоились [18]. В Британии условия договора расценивали как однозначно

успешные. Держава приобрела значительные территории в Восточной Африке, укрепила свои позиции на Ниле, в Красном море. Еще до официального подписания договора известный журналист и путешественник Генри Стэнли, ознакомившись с текстом проекта, на пиру в Глазго провозгласил лорда Солсбери «одним из мудрейших министров нашего века» [19, с. 407]. Договор устранил ряд спорных проблем между Англией и Германией и на время снял напряженность между ними. «Сетердей Ревью» 21 июня 1890 г. писала: «Это соглашение является лучшим из того, что совершило английское правительство со времен, когда лорд Биконсфильд приобрел акции Суэцкого канала» [20, p. 78–79].

Для англичан на тот момент главным приоритетом было наращивание колониальной экспансии на Востоке. Они более заботились о колониях, нежели о собственной безопасности в Европе и Северном море. Однако такой угрозы, как считал историк Дж. Тревельян, тогда просто не существовало [21, p. 78–79]. Военно-морской флот Англии был настолько мощным, что никому и в голову не приходила даже мысль о нападении на Британские острова. Поэтому лорд Солсбери во время переговоров рассматривал остров Гельголанд как не заслуживающий внимания объект для англичан. В свою очередь, германский посол в Лондоне П. Гацфельдт остерегался даже намеков относительно его истинной ценности для немцев, чтобы не пришлось платить за остров непомерную цену [16, bd. VIII, № 1682, s. 19]. Англичане были убеждены, что обменяли, по выражению Г. Стэнли, «пуговицу в Европе на костюм в Африке» [22].

В Европе Гельголандско-Занзибарский договор расценивался как важное международное событие, как свидетельство сближения Великобритании с Тройственным союзом. Враждебную позицию к этому соглашению заняла Россия. Возможный союз Лондона и Берлина, обладателей сильнейшего флота и сильнейшей армии, вызывали в Санкт-Петербурге беспокойство с военно-стратегической точки зрения. Передача о. Гельголанд немцам усложняла в случае войны выход российского военно-морского флота из Балтийского в Северное море. Передача острова была также неприятным событием для Франции, так как Германия получила возможность более эффективно нейтрализовать действия французского флота в Северном море. В европейских столицах распространился слух, что британское правительство в секретной статье соглашения обязалось в случае войны помочь своим флотом Германской империи.

Подписание Гельголандского договора угрожало возникновением франко-английского дипломатического конфликта. Ведь в 1886 г. Париж, Лондон и Берлин обязались не нарушать независимость занзибарского султаната. Если теперь немцы отказывались от своих обязательств, то это не означало аналогичного отступления французов. Однако во Франции понимали, что раздувание конфликта не изменит англо-германского соглашения, а лишь обострит отношения с Великобританией. Поэтому французское правительство решило довольствоваться компенсациями, вовремя предложенными английскими дипломатами. Лондон в 1890 г. признал протекторат Франции на о. Мадагаскар, произошло размежевание англо-французских сфер влияния в Западной Африке и бассейне Индийского океана. Франция, в свою очередь, согласилась с английским протекторатом над островами Занзибар и Пемба.

Колониальные вопросы всегда занимали важное место в международной политике Великобритании. «Мы в нашей колониальной политике, – писал в декабре 1896 г. Дж. Чемберлен, – как только приобретем новую территорию... то обеспечиваем ее развитие под опекой цивилизации для ее общения с миром <...> Империя несет населению завоеванных территорий безопасность жизни и собственности, улучшение условий проживания. Мы взяли на себя гигантскую задачу <...> Важную задачу, большую ответственность, но и высокую честь» [23, vol. 1, p. 92].

По мнению тогдашних международных обозревателей, произошло смещение акцентов во внешней политике Великобритании: от пассивного отношения к проблемам европейских международных отношений к тесному единению с колониями. Идеи расширения империи на середину 90-х годов XIX в. охватили политические круги Великобритании и широкие слои населения. Так, консерваторы во главе с Б. Дизраели, а затем с Р. Солсбери традиционно выступали сторонниками колониальных приобретений. В либеральной партии также консолидировались политики, пропагандирующие колониальную экспансию Великобритании. Сторонники расширения империи рассматривали развитие империализма прежде всего в двух аспектах: сохранение и укрепление связей метрополии с колониями и расширение экспансии на Востоке.

Проведение наступательной колониальной политики грозило международной стабильности, несло опасность военных столкновений с крупными государствами Европы. На это обращали внимание расчетливые политики. Так, в либеральной партии антиимпериали-

стическое направление возглавил Д. Ллойд Джордж, критиковавший проведение политики колониальных захватов и войн [24, с. 182].

Среди сторонников противоположного течения известным апологетом идеи создания мощной колониальной империи был министр колоний Дж. Чемберлен. «Он победно и уверенно ведет Англию путем империализма», – писал о нем Б. Бюлов [10, с. 189]. Основным мотивом проведения активной имперской политики Чемберлен выдвигал защиту коммерции, английского предпринимательства и капитала в условиях роста конкуренции со стороны иностранных государств и протекционизма. Великобритания, по его мнению, была обязана опережать другие страны в колониальной экспансии. «Я верю в то, что британская раса является величайшей из правящих рас, которые когда-либо видел мир» [23, Vol. 1, p. 92]. Главной целью он считал создание условий для развития и процветания имперской расы, под которой понимались все народы, населявшие Британскую империю. Считалось, что чувство империи врожденное у англичан.

Погоня за территориями на Востоке коренным образом изменила политику европейских государств, она вызвала к жизни союзы, которые противоречили всем естественным симпатиям и историческим традициям, ускорила гонку военных и морских вооружений. На этом фоне характерной особенностью британской дипломатии стало дальнейшее сближение Лондона и Рима, которое нашло выражение в подписании 24 марта и 15 апреля 1891 г. англо-итальянских протоколов. Англия признавала Эфиопию сферой влияния Италии. Вместе с тем в соглашениях подчеркивались права Египта (а фактически – Англии) на город Кассалу (Южный Судан) и на другие территории Суданской провинции. Тайное приложение к протоколу от 15 апреля 1891 г. предусматривало, что Италия передаст свои колонии Египту, если когда-нибудь решит от них избавиться.

Великобритания имела двойную выгоду от подписания англо-итальянских протоколов: попытки Рима войти в долину Нила были остановлены; итальянцы, установив контроль над Эфиопией, создавали эффективное прикрытие от возможной французской экспансии к истокам Нила со стороны Французского Конго через Судан.

Завершение канцлерства Каприви покончило с надеждами Германии привлечь Лондон к Тройственному союзу, что дало толчок к ее активному противодействию британцам в Африке. Это соперничество достигло своего пика во время Трансваальского кризиса. Рим не захотел втягиваться в антианглийский курс своей европейской союзницы, и с тех пор внешнеполитической тактикой Италии стал отказ

от односторонней ориентации на Тройственный союз [25, с. 73–74]. Тот факт, что Рим искал опору одновременно и в Лондоне, и в Берлине, тогда как отношения между последними неуклонно портились, уже тогда подводил Италию к проблематическому вопросу, который возник перед ней в ходе Первой мировой войны: к какой противоположающей группировке примкнуть?

Не имея территориальных владений в Северной Африке, Германия четко осознавала роль египетского вопроса как рычага давления на английскую политику. В то же время в Центральной и Западной Африке Берлин не имел никакого намерения уступить свои позиции. Среди английских владений одним из давних была территория Сьерра-Леоне, которая официально перешла во владение короны еще с 1808 г. и составила основу Британской Западной Африки. Под управление губернатора Сьерра-Леоне была привлечена и территория современной Гамбии, которая стала колонией в 1888 г., а также Золотой Берег (Гана получила статус колонии в 1874 г.). Значительными владениями на западе Африки были нигерийские протектораты Англии. Они охватывали земли современной Нигерии и части Бенина (окончательно статус колоний получили лишь в 1918 г.). С районами британской Ганы граничил немецкий протекторат Того (с 1884 г.), с Юго-Западной Нигерией – немецкий Камерун (с 1884 г.).

15 марта 1894 г. между Германией и Францией было заключено соглашение о разграничении сфер влияния в Тропической Африке, которое свело на нет все предыдущие успехи англичан относительно прикрытия подходов к истокам Нила [26, с. 127–128]. Немцы уступили французам значительную часть территории в районе р. Шари, кроме той части прилегающего к реке района, где она впадает в озеро Чад, а свои владения на востоке Камеруна ограничили таким образом, что предоставили выход французским владениям к границам английских колоний.

Лондонское правительство расценило действия Германии как вероломство. Французские владения вновь оказались в непосредственной близости от Египта. К тому же английское правительство было поставлено перед фактом немецко-французского согласия по колониальным вопросам, что совсем не входило в его планы. Со стороны Англии послышалось пропагандистское клацанье ружейным затвором; парламент предоставил правительству санкцию на передислокацию в Западную Африку крупных контингентов английских войск из других колоний.

Англичане вскоре нашли выход из ситуации. Лондонский кабинет 12 мая 1894 г. подписал соглашение о разграничении в Центральной Африке с бельгийским королем Леопольдом II. Англичане уяснили тщетность попыток побудить немцев к новому соглашению, которое могло бы иметь антифранцузскую направленность. Кроме того, они справедливо опасались, что Париж сам договорится с Брюсселем о разделе африканских территорий (а предварительный дипломатический зондаж уже проходил).

Бельгийскому королю соглашение с англичанами предоставило возможность реализовать давнюю цель – расширить границы «Свободного государства Конго» до верховьев Нила. Бельгия получила от Англии в пожизненную аренду все левобережье Белого Нила от о. Альберт до городка Фашод и часть бассейна Бахр-эль-Газала до 10 градуса северной широты, а также земли между 25 и 30 градусами восточной долготы. По соглашению Англия получила в аренду полосу в 25 км шириной вдоль восточной границы «Свободного государства Конго» от самого южного пункта на побережье о. Альберт до северного пункта на побережье о. Танганьика [16, bd. VIII, № 2031 note, s. 428]. Таким образом, Великобритания создала бельгийский буфер на пути французского продвижения к верховьям Нила, то есть осуществила с помощью Бельгии то, что не удалось сделать с помощью Германии. Кроме того, соглашение с Леопольдом II открывало англичанам перспективы для реализации тактики так называемого дальнего прицела – создание полосы непрерывных владений от Капской колонии на юге континента до Суэца на севере.

Англо-бельгийское соглашение вызвало протесты не только у французов. В откровенном стратегическом проигрыше оказалась и Германия. Вследствие занятия англичанами упомянутой 25-километровой полосы ее восточноафриканские владения оказались отрезанными от границы со «Свободным государством Конго». Но речь шла не столько о стратегических позициях, сколько о потере богатого конголезского рынка. Берлин не без основания прогнозировал сокращение своей торговли в этом регионе.

В отличие от Парижа, который мгновенно отправил в Лондон и Брюссель ноты протеста против соглашения, официальный Берлин в течение двух недель на него не реагировал. Причем эту паузу, учитывая дипломатические баталии, которые позже развернулись вокруг англо-бельгийских договоренностей, понять было трудно. Лишь в конце мая 1894 г. немецкая дипломатия начала чрезвычайно активную деятельность сначала против Бельгии, а затем и против Англии,

направленную на ликвидацию соглашения о разделе сфер влияния в Центральной Африке. Берлинское правительство в категорической форме потребовало от Леопольда II отодвинуть уступленную англичанам полосу на 20 км от границ Германской Восточной Африки в сторону Конго. В требованиях указывалось, что в случае, если «Свободное государство Конго» решит потакать британской агрессии в Восточной Африке, то Германия будет считать себя свободной от всяких обязательств относительно Бельгии в Европе [16, bd. VIII, № 2032, 2035, s. 429, 431].

Незамедлительно, 29 мая 1894 г., бельгийский король отреагировал на угрозы со стороны кайзеровской Германии. Монарх согласился выполнить все требования берлинского правительства. В ноте лорда Кимберли от 5 июня того же года английское правительство признало, что «Свободное государство Конго» не имело право изменять границы с немецкими владениями в одностороннем порядке, без согласия Берлина. Великобритания признала все существовавшие на то время договоренности между Германией и Конго [16, bd. VIII, № 2042, s. 440]. Казалось, что конфликт исчерпан. Однако в берлинской правящей верхушке вспыхнуло желание одержать полную дипломатическую победу над Великобританией и добиться отмены англо-бельгийского соглашения. Такое поведение было довольно странным, ведь еще недавно Аусамт активно добивался британской дружбы. Партнеры Берлина по Тройственному союзу не на шутку испугались перспектив ухудшения отношений с Англией вследствие совершенно не интересовавшей их проблемы на далеком Африканском континенте.

Дипломатическая борьба вокруг соглашения приобрела, по меткому выражению Ф.А. Ротштейна, гомерические размеры. И Англия, и Германия решили привлечь на свою сторону Францию. Французское правительство не спешило вмешиваться в англо-немецкий спор, поскольку понимало всю конъюнктурность обоих предложений. Более того, 14 августа 1894 г. Франция также заключила соглашение с Бельгией. Согласно документу прошло размежевание колониальных владений обеих стран так, что французам был открыт путь к верховьям Нила, а бельгийцы получили возможность закрепиться на Бахр-эль-Газали [23, vol. 1, p. 139–140].

Лондонское правительство 17 июня 1894 г. исходя из того, что 25-километровая полоса не имела для англичан принципиального значения, а опасность франко-германского сближения в египетском вопросе была реальной, согласилось с немецкими требованиями и пересмотрело соглашение в его решающей части. Таким образом, ан-

гличане и бельгийцы отказались от статей относительно аренды земли в Судане и 25-километровой полосы в Бельгийском Конго. Остались в силе лишь те статьи, которые определяли южные границы «Свободного государства Конго» [16, bd. VIII, № 2062, 2064, s. 463–464].

Таким образом, правящие круги Германии получили полное моральное удовлетворение. Однако история с англо-бельгийским соглашением значительно усложнила отношения между Лондоном и Берлином, настроив обе стороны на противодействие друг другу. Особого накала это соперничество достигло в конце 1895 – начале 1896 года, во время событий на юге Африки, в Трансваале.

Англичане вынашивали величественную идею, которая созрела в деловых и правительственных кругах, – установление империи в Африке от Капа до Каира. Автором этого грандиозного плана был Сесиль Родс, особа в то время очень известная, противоречивая, авторитетная в колониальной политике. Планируя создание южноафриканской федерации, Родс предлагал президенту Трансвааля П. Крюгеру привлечь к ней буров. Однако тот не поддержал план. Семидесятилетний президент Трансвааля, невзирая на определенную патриархальность взглядов, достаточно хорошо ориентировался в сложных перипетиях международной политики. Он пытался маневрировать между Англией и Германией. «Наша маленькая республика, – говорил президент Крюгер, – еще только ползает между великими державами, и мы чувствуем, что когда одна из них пожелает наступить нам на ногу, то другая будет этому сопротивляться» [27, с. 255].

Британская дипломатия, имея за плечами крепкий тыл в виде Капской колонии и Наталя, пыталась осложнить Трансваалю выход к морю. В мае 1895 г. Англия захватила земли Амадонголенда, небольшой территории к югу от бухты Делагоа, создав Трансваалю преграду для выхода к Индийскому океану. Реакция Берлина на это событие возмутила Лондон. Германия заявила, что Трансвааль не признает эту аннексию. То, что Берлин взял на себя смелость стать спикером бурского правительства, лишь подлило масла в огонь англо-германского соперничества. Немецкая сторона, кроме того, заявила, что захват Амадонголенда провоцирует лихорадочную деятельность немецких агентов-торговцев, которые вынуждены оккупировать все окружающие земли бухты Делагоа. Дальнейшие события вокруг Южной Африки (набег Джексона, телеграмма Вильгельма II Крюгеру и другие) чрезвычайно обострили англо-германские отношения. Берлин угрожал применением силовых методов разрешения спора. Уже тогда проявлялись очертания будущей Великой войны.

Правда, Берлин в своем выступлении против Лондона остался одиноким. Европейские правительства всегда считали Англию менее опасной в конфликтах, чем Германию, ибо первая имела огромный флот, однако не имела сильной армии. Союзники Германии заняли выжидательную позицию. Но как позже заявил австрийский министр иностранных дел граф А. Голуховский, он в тот момент был не согласен с участием в коалиции против Великобритании [16, bd. XII, № 2927, s. 64]. Тогдашний германский посол в Риме указывал, что глава итальянского правительства Франческо Криспи был поражен замыслом немецкого внешнеполитического ведомства и отказался выразить свое отношение к проблеме. Италия предложила посредничество в решении англо-немецкого конфликта [16, bd. XI, № 2634, s. 52].

В целом на середину января 1896 г. англо-немецкий дипломатический кризис был практически исчерпан. Великобритания согласилась восстановить статус-кво в Южной Африке. Политика немецкой дипломатии в Трансваальском конфликте эволюционировала от намерений Вильгельма II объявить войну Англии до идеи нейтрализации Трансвааля под европейские гарантии, а затем до требования восстановить существующее до кризиса положение в этом регионе.

Кризис 1895–1896 гг. в Южной Африке едва не расшатал Тройственный союз. К середине 90-х годов XIX в. британские и немецкие дипломаты не столько пытались ликвидировать трения между государствами, сколько вербовали союзников, чтобы создать благоприятные условия для последующих колониальных захватов.

В конце 90-х годов XIX ст. Великобритания решила пересмотреть свою внешнеполитическую доктрину «блестящей изоляции». К этому ее подтолкнуло усиление экономического соперничества ведущих европейских государств и США. Активным пропагандистом поиска союзников стал Джозеф Чемберлен. Его сподвижником был Спенсер Кавендиш (герцог Девонширский), с 1885 г. – лидер либерал-юнионистов и министр в консервативных правительствах 1895–1903 гг. Эти люди во главе с лордом А. Розбери после смерти У. Гладстона оказались у руля либеральной партии. Старый консерватор и традиционалист Солсбери видел события в совершенно ином свете, чем Чемберлен и его единомышленники. Выступая в парламенте 4 мая 1898 г., он сказал сторонникам внешнеполитических изменений: «Мы знаем, что будем противостоять любому, кто посягнет на наши владения, и мы знаем вопреки всяким разговорам об изоляции, что мы вполне способны это сделать сами» [9, p. 331].

Через неделю в публичном выступлении в родном городе Бирмингеме Чемберлен ответил на высказывания Солсбери, подчеркнув, что со времен Крымской войны Англия не имеет ни союзников, ни друзей, однако постоянно является объектом зависти и подозрений великих держав, что вызывает опасность конфликта с блоком этих стран. Если политика самоизоляции будет продолжаться, то, подчеркнул он, Великобритания потеряет авторитет первостепенной мировой державы. Поэтому «Великобритания должна... теснее сблизиться с колониями и укрепить дружбу, а возможно, и нечто большее, чем дружбу, с Американскими Соединенными Штатами. Но поскольку такое сближение не облегчает судьбу Англии в случае войны, то английское правительство должно стремиться к союзу с одним из государств [Европейского континента], – считал Дж. Чемберлен [28, с. 815].

Речь английского министра колоний получила широкую известность, а предложения тесных союзных отношений с США сбили с толку многих дипломатов. На Вильгельмштрассе и ранее опасались возможности такого союза, который, по мнению кайзера, угрожал позициям европейской промышленности [29, с. 88]. Российский посол в Вашингтоне А.П. Кассини писал: «Ум янки слишком практичный, слишком расчетливый, чтобы так далеко завести положение дел. Однако относительно сближения США и Великобритании во время испано-американской войны, то оно... не подлежит сомнению, и этого вполне достаточно, чтобы нам встревожиться» [30, с. 141].

Подозрения и немцев, и русских были подогреты достигнутым в декабре 1898 г. англо-американским соглашением о совместном участии в железнодорожном строительстве в Китае (компании этих стран обязались оказывать друг другу содействие в получении от цинского правительства концессий) [31, с. 75]. Российский посол в Берлине граф Остен-Сакен характеризовал настроения немецкой правящей верхушки следующим образом: «Не являясь пессимистами по характеру, ни император, ни его министр не могли не признать, что нынешнее положение в Европе таит в себе зародыш осложнений и что Европе в будущем грозит опасность в связи с тесным сближением Англии и Соединенных Штатов» [32, с. 77].

В самой Великобритании многим влиятельным политикам разговоры об англо-американском союзе казались nonsensом. У. Черчилль в письме к матери в июне 1898 г. беспечливо заявлял: «Идея англо-американского альянса может вызвать восхищение и взволновать редакторов, джингоистов и идиотов в разных странах. Она не беспокоит дипломатов, которые знают, что никакого союза нельзя

достичь до тех пор, пока не будет общих интересов. Разве похоже на то, что сообразительный Дядюшка Сэм будет вытягивать для нас из огня азиатские, африканские и европейские каштаны?» [33, р. 46].

В то же время происходило дальнейшее примирение Лондона и Берлина в колониальных вопросах юга Африки. Обе стороны стремились поделить экономически ослабленную португальскую колониальную империю (метрополия лихорадочно искала финансовые займы). 30 августа 1898 г. была подписана англо-немецкая конвенция о португальских колониях. В ней отмечалась необходимость согласованных действий обоих государств. Заем Португалии должны были предоставить только под обеспечение доходов с ее заморских колоний: Мозамбика, Анголы, части о. Тимор. В документе определялись доли английского и немецкого займа, делились сферы влияния [34, Vol. 1, № 90 encl., р. 71–72].

В другой, тайной, конвенции оговаривалось, что в случае отказа Лиссабона от своих африканских территорий или при потере их каким-либо образом Великобритания и Германия станут владельцами португальских колоний [34, vol. 1, № 91 encl., р. 73]. Интересным документом была тайная нота о совместном противостоянии Англии и Германии в случае интервенции третьего государства в португальские колонии Африки [34, vol. 1, № 92 encl., р. 74–75].

Иллюзорность надежд германской дипломатии в отношении Южной Африки проявилась не скоро, только после того, как Берлин узнал о заключении между Великобританией и Португалией 14 октября 1899 г. Виндзорского протокола. Этот документ гарантировал Португалии неприкосновенность ее владений со стороны Англии [34, vol. 1, № 118, р. 93–95]. А к тому времени берлинская политическая элита радовалась англо-немецкой конвенции. Император Вильгельм II был в восторге. «Спасибо Вам, дорогой Бюлов, – писал он, – за самоотверженную, успешную работу и искусство, с которым Вы сумели убедить Англию наконец-то пойти нам на уступки. Это большая победа Вашего дипломатического мастерства и дальновидности» [10, с. 135].

Британцы не афишировали англо-португальское соглашение 1899 г. На подозрения немцев, которые возникли после речи португальского короля Карлоса, министр иностранных дел Г. Ленсдаун (1900–1905) ответил, что соглашение 1898 г. не претерпело никаких изменений. Немецкое правительство узнало о тайне Виндзорского протокола только в 1913 г., когда начались новые переговоры о разделе португальских колоний [34, vol. 1, № 121, р. 97–98].

11 октября 1899 г. началась англо-бурская война. Она проходила в условиях обострения как англо-русских, так и англо-французских отношений. Европейское общественное мнение сочувствовало населению маленьких бурских республик. В течение всей войны мировая пресса тщательно разоблачала жестокие методы ее ведения и политику Англии в Африке. Английское правительство фактически не имело друзей в Европе. Длинная и счастливая викторианская эпоха завершалась. Тогдашняя публицистика, как и большинство современных английских историков, отмечала раскол общественной и политической мысли Великобритании по отношению к войне на юге Африки, поляризацию джингоистских и пацифистских настроений в обществе [35, с. 99–100].

Британская дипломатия пыталась застраховаться от иностранного вмешательства в войну. Накануне войны лорд Солсбери выражал уверенность, что ни одна из великих держав Европы не в состоянии будет вмешаться в англо-бурский вооруженный конфликт, а тем более создать континентальный антианглийский блок [16, bd. XI, bd. XV, № 4374, s. 388–389].

Нейтралитет Берлина в конфликте на юге Африки в определенной степени обеспечивало англо-германское соглашение о разделе португальских колоний. Англо-русские отношения несколько улучшились после согласования в 1899 г. сфер участия обеих стран в железнодорожном строительстве в Китае [36, с. 127–131]. С Францией был улажен Фашодский инцидент, подписано соглашение о разграничении колоний в Центральной Африке.

После начала вооруженных действий на юге Африки Форин-офис четко отслеживал любые изменения в позициях европейских правительств. В отчетах британских послов в Лиссабоне, Мадриде, Париже, Вене, Копенгагене, Риме, Санкт-Петербурге постоянно указывалось, что, несмотря на антибританские настроения общественных кругов, официальные чиновники предпочитают занимать нейтральную позицию по отношению к войне на юге Африки. Более того, правительства союзников Германии – Италии и Австро-Венгрии – выражали Великобритании откровенную поддержку и заверяли в невозможности совместных антианглийских акций в Европе [34, vol. 1, № 288, 290, р. 235–237]. Все же британский кабинет министров с обеспокоенностью отнесся к полуофициальному визиту российского министра иностранных дел графа М.М. Муравьева в Париж на исходе 1899 г. [34, vol. 1, № 292, р. 239]. К тому же правящие круги Великобритании, которым нейтралитет Германии был крайне необходим, тем не менее

не были склонны переоценивать доброжелательность берлинского правительства. Немецкий закон 1900 г. о развитии военно-морского флота только подтверждал подозрения английских официальных кругов и общественности в настоящих намерениях верхушки рейха [34, vol. 1, № 342, p. 276].

В Англии понимали, что Германия не в состоянии выступить против них без поддержки в Европе. Российское правительство не стремилось выступать в поддержку немецких интересов в далекой Южной Африке. Франция также не желала встать на сторону Германии в споре на «черном континенте», поскольку нерешенным оставался один из основных вопросов франко-германских отношений – Эльзас-Лотарингский. К тому же в случае англо-германской войны Лондон мог предложить Парижу и Санкт-Петербургу заметно лучшую цену дружбы, чем Берлин. Значение немецкого нейтралитета обесценивалось в глазах английского правительства и вследствие понимания того, что немецкие правящие круги не решатся рисковать своими колониями, экономическими интересами и разветвленной сетью морской торговли ради симпатий к бурам.

Все же натянутость в дипломатических англо-германских отношениях порождала тревогу военной элиты Британии. Британский адмирал Р. Мэхэн позднее в статье «Дополнительное предупреждение Великобритании», опубликованной в «Дейли мейл» в 1912 г., писал: «Германия и Австрия, составляющие фактически единое целое, простираются от Северного моря до Адриатики, обладают военной силой, против которой на континенте не устоит ни одна группировка» [37, оп. 1, д. 3307, л. 3].

Англичане действительно имели реальные причины для беспокойства. Немецкий рейх стремился изменить баланс сил в Европе в свою пользу, а на море достичь равновесия сил с Великобританией. Англичане предприняли реорганизацию административного управления военно-морского флота. При морском управлении был создан специальный штаб (то же ранее сделали Германия и другие страны, обладавшие сильным флотом), обязанности которого заключались в составлении планов войны и их детальной разработке [37, Донесение агента в Англии, оп. 1, д. 3261, л. 1–2; оп. 1, д. 3265, л. 1].

В начале XX ст. дипломатия Великобритании решила активно прозондировать возможность сближения с Японией, новой военно-экономической мощью на Дальнем Востоке. После войны в Китае 1894–1895 гг. Япония выглядела достойным партнером для усиления позиций Англии на Востоке. Обострение англо-русского соперниче-

ства в Средней Азии и на Дальнем Востоке и то обстоятельство, что бóльшая часть нового военного флота Японии была заказана в Англии (японские верфи не в состоянии были строить броненосцы и крейсерские корабли 1-го и 2-го классов), способствовали политическому сближению Лондона и Токио. Идея англо-японского союза нашла поддержку в военно-морских кругах Японии, которые имели решающее влияние на политику этого азиатского государства.

В конце концов поиски дипломатии Великобритании союзников привели к заключению англо-японского договора 1902 г. Этот документ фактически завершил британскую политику «блестящей изоляции» и стал толчком к формированию Антанты (1904 г. – англо-французское соглашение; 1907 г. – англо-русское соглашение), военно-политического блока государств, прямого противника Тройственного союза. Дипломатический путь к Великой войне был подготовлен, и этому во многом способствовал внешнеполитический курс британских правящих кругов на далеком Африканском континенте.

Источники и литература

1. King J.C. [Rec.]. E.Vose Gulick. Europe's Classical Balance of Power. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1955 // The Journal of Modern History. – 1957. – Vol. 29. – № 3. – P. 258–259.
2. Манькин А.С. Системность в международных отношениях: причины формирования и этапы развития // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1992. – № 5. – С. 3–17.
3. Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 352 с.
4. Тойнби А. Постыжение истории: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
6. Kędzierski J. Dzieje Anglii. 1485–1939. – Wrocław etc.: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1986.– Lata 1830–1939. – 750 s.
7. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 344 с.
8. Бураков Ю.В., Питлëваная Л.Ю. Військово-морське суперництво Великобританії і Німеччини на рубежі XIX–XX ст. // Військово-науковий вісник. – Вип. 4. – Львів: ЛВІ, 2002. – С. 25–40.
9. Cecil A. Queen Victoria and Her Prime Ministers. – London: Eyre and Spottiswoode, 1953. – 356 p.
10. Бюлов Б. Воспоминания: Пер. с нем. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 564 с.
11. Read D. Edwardian England. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1982. – 186 p.

12. Серова О.В. От Тройственного союза к Антанте. Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1983. – 304 с.
13. Хвостов В.М. Начало итальянской колониальной экспансии и первая итало-абиссинская война 1895–1896 гг. // Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. – М.: Наука, 1977. – С. 46–65.
14. Хвостов В.М. Кризис внешней политики Бисмарка // Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. – М.: Наука, 1977. – С. 17–45.
15. Новое время. – СПб., 1903, 10 (23) августа.
16. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelssohn – Bartholdy, F. Thimme: In 40 bd. – Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.V.H., 1922–1927.
17. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны: Пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 696 с.
18. Kurjer Lwowski. – Lwów, 1890, 20, 25 czerwca.
19. Вестник Европы. – СПб., 1890. – Т. 4 (144).
20. Langer W.L. The Franco-Russian Alliance. 1890–1894. – Cambridge: Harvard University Press, 1929. – 455 p.
21. Trevelyan G.M. British History in the Nineteenth Century and After. 1782–1919. – London: Pelican Books, 1968. – 494 p.
22. Санкт-Петербургские ведомости. – СПб., 1890. – 19 (31) июля.
23. Langer W.L. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902: In 2 vol. – New York, London: Alfred A. Knopf, 1935.
24. Питльована Л.Ю. Єгипетське питання в англо-німецьких відносинах наприкінці XIX ст. // Військово-науковий вісник. – Вип. 5. – Львів: ЛВІ, 2002. – С. 180–193.
25. Серова О.В. Роль Англии в повороте внешнеполитического курса Италии в начале XX в. // Проблемы британской истории. – М.: Наука, 1982. – С. 63–78.
26. Andrew C.M., Kanya-Forstner A.S. The French «Colonial Party»: its Composition, Aims and Influence, 1885–1914 // The Historical Journal. – 1971. – Vol. 14. – P. 99–128.
27. Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. – М.: Мысль, 1984. – 367 с.
28. Вестник Европы. – СПб., 1898. – Т. 3.
29. Заграничное путешествие М.Н. Муравьева в 1897 г. // Красный архив. – 1931. – Т. 4–5 (47–48). – С. 71–89.
30. Северо-Американские Соединённые Штаты и царская Россия в 90-х гг. XIX в. // Там же. – 1932. – Т. 3 (52). – С. 125–142.
31. Зарина Л.Л., Лившиц С.Г. Британский империализм в Китае (1896–1901 гг.). – М.: Наука, 1970. – 248 с.

32. Англо-германское сближение в 1898 г. // Красный архив. – 1933. – Т. 1 (56). – С. 65–79.
33. Beloff M. Imperial Sunset. Britain's Liberal Empire. 1897–1921. – London: Methen and Co., 1969. – 387 p.
34. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 / Ed. by G.P. Gooch, H. Temperley: In 11 vol. – London: Johnson Reprint Corp., 1926–1938.
35. Бураков Ю.В., Питльована Л.Ю. Нариси історії Англії нового часу. – Львів: Центр Європи, 2003. – 128 с.
36. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899) // Красный архив. – 1927. – Т. 6 (25). – С. 127–131.
37. Российский государственный архив военно-морского флота, г. Санкт-Петербург: Ф. 418. Морской генштаб.